
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 330.341.424:339.9

М. И. ЗВЕРЯКОВ,
профессор, доктор экономических наук,
член-корреспондент НАН Украины,
ректор Одесского национального экономического университета

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ *

Представлен теоретический анализ кризиса неолиберальной модели глобализации, которая привела к процессам деиндустриализации во многих странах мира, в том числе и в Украине. Показано, что посредством восстановления развития высокотехнологичных отраслей реального сектора экономики происходит смена глобальной хозяйственной модели, которая дает шанс преодолеть негативные последствия мирового кризиса. Проведен анализ различных моделей капитализма в условиях неолиберальной глобализации, в том числе в странах, возникших на постсоциалистическом пространстве. Показано, что решение сложившегося в украинской экономике противоречия между текущими и долгосрочными задачами возможно на основе воспроизводственного подхода.

Ключевые слова: глобализация, деиндустриализация и реиндустриализация, различные модели капитализма, промышленная политика, амортизация, стратегическое целеполагание, модель устойчивого экономического роста.

M. I. ZVERYAKOV,
Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Corresponding Member of the NAS of Ukraine,
Rector, Odessa National Economic University

GLOBALIZATION AND DEINDUSTRIALIZATION: CONTENT, CONTRADICTIONS AND WAYS TO SOLVE THEM

A theoretical analysis of the crisis of the neoliberal model of globalization, which led to the processes of deindustrialization in many countries of the world, including Ukraine, was presented. It is shown that through the restoration of the development of high-tech sectors of the real economy, a global economic model is changing, which gives a chance to overcome negative consequences of the global crisis. An analysis of various models of capitalism under conditions of neo-liberal globalization, including those in the countries emerging in the post-socialist space, has been carried out. It is shown that solving the contradiction that has developed in Ukrainian economy between current and long-term tasks is possible on the basis of a reproductive approach.

Keywords: globalization, deindustrialization and reindustrialization, various models of capitalism, industrial policy, depreciation, strategic goal-setting, a model of sustainable economic growth.

© Зверяков Михаил Иванович (Zveryakov Mikhail Ivanovich), 2017; e-mail: rector@oneu.edu.ua.

* Статья публикуется в рамках научной дискуссии, начатой в журнале “Экономика Украины” № 5-6, 2017.

Посткризисный период развития мирового хозяйства со всей определенностью поставил фундаментальные вопросы, на которые ищут ответы ученые во многих странах. Прежде всего эти ответы смогут очертить контуры будущего мирового развития. Во-первых, можно ли предположить масштабное замедление глобалистской тенденции и постепенное возрождение суверенитетов национальных экономик, или она возобновит свое действие в каких-то новых формах? Во-вторых, каковы способы движения различных частей мирового хозяйства в связи со сменой парадигмы посткризисного развития? Поиски ответов на эти вопросы требуют интеллектуальных усилий многих зарубежных и отечественных ученых.

Таким образом, **цель статьи** — выяснить причины кризиса неолиберальной глобализации, которая привела не только к развитию тенденций деиндустриализации в развивающихся странах (к которым принадлежит и Украина), но и к сокращению индустриального сектора в высокоразвитых странах, о которых пишут в своей статье американский ученый Дж. Фокс и некоторые участники научной дискуссии.

Противоречия процесса глобализации

В последние 30 лет современное мировое хозяйство вступило в новый этап глобализации. Новые глобализационные тенденции ускорили развитие капиталистической системы хозяйства, придали ей новые современные черты. Эти новые черты обусловлены результатом действия главной доминанты функционирования и развития мирового хозяйства — *либеральной модели организации хозяйственной деятельности*. Сам же кризис можно рассматривать как вполне закономерный результат развития капитализма в условиях глобализации.

На протяжении нескольких десятилетий, в соответствии с законами рынка, во многих высокоразвитых странах происходило расширение спроса на продукцию капиталистических предприятий за счет внешних рынков, получения дешевых ресурсов и обеспечения тем самым экономического роста национальной экономики. Это является имманентной чертой самого капитала. Логика развития последнего обусловила то, что транснациональная форма капитала закономерно превратилась в доминирующую экономическую силу в современном мировом хозяйстве, поскольку промышленный рост — главный фактор интеграции рынка в единый мировой рынок.

Развертывание процесса интернационализации производства посредством углубления международного разделения труда привело к тому, что мировое хозяйство вступило в новый этап развития, который на протяжении последних 30–40 лет называется "глобализация". В этот период темпы роста внешней торговли начали обгонять годовые приросты мирового ВВП, произошло расширение трансграничных взаимодействий между агентами мирового хозяйства, что проявилось в увеличении потоков движения товаров, капитала и труда, возникновении и усилении роли международных институтов, обеспечивающих беспрепятственное проникновение на национальные рынки отдельных государств. Сами национальные государства постепенно утратили свою роль центров принятия решений и оказались элементами более масштабного целого мирового хозяйства. Произошла постепенная утрата национально-государственного суверенитета странами, попавшими в орбиту глобальных экономических сил и олицетворяющих их международных институтов. Национальные экономики начали подчиняться "глобальным регуляторам", заменяющим национальные правительства.

Эти глобальные институты действуют в угоду транснациональных корпораций (ТНК), для которых любые национальные ограничения становятся преградой для вовлечения национальных ресурсов в глобальный экономический оборот. Сторонники глобализации исходят из неолиберальной теоретической доктрины, согласно которой национальные экономики и их ресурсы вовлекаются в глобальные рынки и используются более эффективно. Именно неолиберальная теоретическая доктрина лежит в основе действий *глобальных регуляторов*, которые представлены в форме международных институтов (ВТО, МВФ, Всемирный банк и т. д.) и действуют в интересах ТНК, стремящихся освободиться от каких-либо ограничений национальных государств.

В рамках мирового хозяйства сформировалась сеть ТНК, контролирующая значительную часть глобального рынка и находящихся между собой в отношениях жесткой конкуренции. Последняя не ограничивается глобальными институтами, поскольку их действия как раз и создают условия для функционирования рыночных сил, а также формируют глобальное либеральное рыночное пространство. В итоге возникает специфическая рыночно-сетевая система хозяйствования, не координируемая из единого центра, что создает объективные предпосылки для увеличения количества сбоев в глобальной сети монополий. В глобализованном рыночном хозяйстве нарастают риски возникновения мировых кризисов.

Состояние неопределенности в условиях нарастания рисков породило позицию некоторых исследователей о возникновении “общества риска”, в котором национальные государства начинают превращаться в носителей космополитических интересов *. Как раз подчинение *национальных интересов*, которые выражают национальные государства, *силам глобального рынка* и составляет главное содержание процесса глобализации на современном этапе. Конечная цель глобализации — подчинение национальных интересов глобальным. Именно эта содержательная характеристика отражает смысл понятия глобализации и привносит нечто качественно новое в широкую палитру понятия мирохозяйственных отношений.

Действия сил глобального капитала в форме ТНК, с одной стороны, и сопротивление такому действию национальных правительств, выражающих интересы национальных государств, — с другой и составляют, на наш взгляд, *главное противоречие мирового экономического развития*. Внешними формами проявления этого противоречия являются: Brexit, противоречия внутри ЕС, а также споры между США и ЕС по поводу принципов организации трансатлантического торгового партнерства (ТТП), объединение стран Юго-Восточной Азии и США в Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) для ограничения усиливающегося торгового могущества Китая, и т. п.

Однако сегодня можно наблюдать усиление тенденции ко все большему ограничению глобализации, которая стала проявляться внутри ЕС, а также во многих странах капитализма, в том числе в США [2, с. 19].

Как известно, неолиберальная модель макроэкономического регулирования пришла на смену кейнсианской, которая, во-первых, к концу 1970-х годов привела

* По этому поводу немецкий ученый У. Бек пишет: “Без сомнения, риски, связанные с развитием промышленности, так же стары, как и само это развитие. Обнищание значительной части населения — “риск бедности” — держало XX век в напряжении. “Риски квалификации” и “риски здоровья” давно уже являются темой рационализации и связанных с ней социальных конфликтов. ... Опасности высокоразвитых производительных сил в области химии или атомной энергетики упраздняют основы и категории в рамках, в которых мы до сих пор мыслили и действовали, — пространство и время, труд и досуг, предприятие и национальное государство, даже границы между военными блоками и континентами” [1, с. 4].

к заметному падению эффективности факторов производства и, во-вторых, не смогла преодолеть начавшуюся с середины 1960-х годов негативную тенденцию падения нормы прибыли на вложенный капитал [3, с. 444]. В основе самой неолиберальной доктрины лежит теоретическая парадигма, отстаивающая эффективность действия рыночных сил и ограничивающая все формы государственного регулирования. Транснациональный капитал в форме ТНК породил средства глобальной коммуникации в форме информационно-компьютерных систем, охватывающих все мировое пространство. Это открыло новые возможности для ТНК распространять свои производства, товары и финансовые ресурсы по всему миру.

Отказ от государственного регулирования финансовой сферы позволил резко возрасти объему спекулятивных операций на мировом рынке и превратить эту сферу в ведущий сектор глобальной экономики, а сам капитализм — в "финансовый". В докризисный период в условиях резкого расширения финансово-кредитной сферы во многих ведущих странах мира возникла иллюзия, что с помощью новых финансово-кредитных инструментов удастся увеличить совокупный спрос и тем самым избежать падения доходности капитала, постоянно воспроизводя новые стимулы для развития. Кроме того, предполагалось, что возросшие масштабы глобального рынка и транснациональный характер хозяйственных отношений помогут преодолеть присущие капитализму противоречия. Однако такого рода предположения оказались неверными. В итоге, произошедшее перенакопление финансового капитала привело к тяжелому экономическому кризису.

Следовательно, нынешняя посткризисная фаза развития мировой экономики представляет собой вступление в сложный и длительный период устранения возникших диспропорций в масштабах как глобальной, так и национальных экономик. Иными словами, можно сказать, что происходит завершение одного глобального воспроизводственного цикла и наступает другой на качественно новой технологической, институциональной и финансовой основе, вовлекающий в свою орбиту и высокоразвитые, и развивающиеся страны. Посредством восстановления приоритета развития реального сектора экономики на новой технологической основе происходит смена глобальной хозяйственной модели, которая дает шанс преодолеть негативные последствия мирового кризиса.

Как правильно отмечают участники дискуссии, смена хозяйственной модели свидетельствует о кризисе неолиберальной модели глобализации и ее главных носителей [4, с. 66]. Поскольку главным выразителем самой глобализации являются ТНК, постольку сами ТНК меняют в настоящее время свою модель воспроизводства. О чем идет речь? Дело в том, что сами ТНК как главные носители глобализации имеют внутренние противоречия и двойственный характер развития. С одной стороны, они формируют глобальное рыночное пространство и осуществляют свободное движение капиталов, товаров и рабочей силы, а с другой — ТНК могут получать сверхприбыли в условиях сохранения локальных неоднородных рынков труда и условий экономического функционирования (системы оплаты труда, налогообложения, экологических и социальных условий производства и т. д.). Как раз динамика получения сверхприбыли является своего рода экономическим пределом развития глобализации. В тех случаях, когда получение высоких прибылей на локальных рынках уменьшается, ТНК ищут новые, более надежные условия приложения капитала. Именно такие изменения и разворачиваются на наших глазах. Остановимся на этом более подробно.

Деиндустриализация и реиндустриализация в США

Благодаря успешному применению новых технологий в нефтегазовой отрасли в результате “сланцевой революции” США не только смогли резко увеличить объемы добычи нефти и газа и стать крупнейшим производителем и экспортером углеводородов в мире, но и добиться двукратного снижения цен на газ на внутреннем рынке: в настоящее время они почти в 3 раза ниже, чем в Японии, и более чем в 2 раза — чем в Европе *.

Социально-экономические изменения, происходящие под влиянием “сланцевой революции”, оцениваются многими экспертами как эпохальные. Такие оценки показывают, что энергетический сектор может вызвать мультипликационный эффект и создать от 2,2 млн. до 3,6 млн. новых рабочих мест, а также снизить дефицит текущего счета платежного баланса на 471 млрд. дол. (в ценах 2005 г.) и гипотетический рост ВВП около 4% **. Столь обнадеживающие прогнозы последствий “сланцевой революции” не случайны. Дж. Фокс отмечает, что “в конце 1970-х годов Соединенные Штаты Америки стали испытывать хронический торговый дефицит, что является рыночным сигналом о снижении конкурентоспособности. Перед 1979 г. началась стагнация реальной заработной платы американских рабочих, а затем — ее снижение” [2, с. 19]. С 1970 г. и до начала текущего десятилетия доля США в мировом промышленном производстве сократилась с 26% до 20%, тогда как доля Китая за этот же период выросла с 1% до 19% [5, р. 2].

Такая же негативная тенденция наблюдалась и с динамикой производства добавленной стоимости в США с 1970 по 2013 г. Если в 1970 г. доля США в мировом производстве добавленной стоимости обрабатывающей промышленности составляла 26,63%, то в 2013 г. она снизилась до 19,14%. Особенно резко ее снижение произошло перед кризисом 2007–2009 гг. и после него, тогда как в Китае только с 2005 по 2013 г. она почти удвоилась: с 9,71% до 18,48%. В то же время за этот же период доля США в мировом производстве добавленной стоимости обрабатывающей промышленности снизилась на 3,9% [6, с. 39].

Таким образом, как свидетельствует отрицательная динамика промышленного производства добавленной стоимости, в США происходила *деиндустриализация* экономики, а в Китае наблюдался индустриальный рост. Однако следует напомнить, что в США сокращение индустриальной сферы и общего числа рабочих мест началось еще до Великой депрессии в результате роста производительности труда в промышленности, что само по себе является положительным фактором, свидетельствующим об увеличении добавленной стоимости в ВВП. Иными словами, происходила деиндустриализация, опиравшаяся на рост эффективности самой индустрии, которую можно было бы назвать “*положительной деиндустриализацией*”. Но с 1970-х годов в США многие заводы начали закрываться или переноситься в другие страны из-за поисков более выгодных сфер приложения капитала. Особенно ускоренный характер эта тенденция приобрела с 1990 по 2009 г., когда доля обрабатывающей промышленности в ВВП США снизилась с 17% до 11%. С 2009 по 2012 г. промышленный сектор США переломил эту тенденцию, увеличив свою долю в ВВП до 11,9% в 2012 г. ***.

* BP Statistical Review of World Energy. — 2016. — June. — P. 27.

** Там же. — P. 17.

*** Europe’s re-industrialization: The gulf between aspiration and reality // Deutsche Bank DB Research. — 2013. — November 26. — P. 14.

По мнению многих аналитиков, появившаяся тенденция реиндустриализации будет продолжаться. Это связано с восстановлением сравнительных преимуществ экономики США, обусловленных не только "сланцевой революцией", снижающей издержки производства, но и ростом транспортных и трансакционных издержек. Таким образом, стремительное восстановление сравнительных преимуществ промышленности США по затратам является причиной того, что падение доли промышленного производства в ВВП США и вывод его за рубеж прекратились. По мнению исследователей, реальными предпосылками экономического роста в США помимо удешевления энергоресурсов являются: инновационность производства; рост производительности труда; увеличение инвестиций в инфраструктуру; более эффективная система развития образования [7, р. 5]. В связи с ростом средней заработной платы в Китае на 15–20% в год сокращается ценовое преимущество китайской рабочей силы по сравнению с дорогими трудовыми ресурсами США. Если в 2000 г. средняя заработная плата китайского работника в промышленном секторе составляла лишь 3% соответствующей заработной платы в США, то в 2015 г. — примерно 15%. В итоге, издержки производства товаров некоторых американских компаний лишь на 10% выше продукции аналогичных китайских компаний*. Поэтому, по мнению авторов исследования "Boston Consulting Group", производство некоторых товаров будет смещаться из Китая в страны с более низкими затратами на заработную плату, такие как Вьетнам, Индонезия и Мексика [8, р. 5]. Однако способность развивать производство в этих странах будет ограничиваться неразвитой инфраструктурой, нехваткой квалифицированной рабочей силы, а также политическими, имущественными и другими рисками [8, р. 5].

Одной из важных составляющих в общем перечне проблем, накопившихся в экономике США и наиболее рельефно проявившихся в период последнего кризиса, по мнению Дж. Стиглица, стал переход от развития экономики промышленности к еще большему производству услуг. В случае продолжения негативного тренда такого развития США, по мнению Дж. Стиглица, с большой долей вероятности будут постепенно превращаться в третью экономику мира, не имея возможности поддерживать существующий уровень жизни, не говоря уже о его росте [9, р. 25]. Дж. Стиглиц видит главное условие экономического роста в США в восстановлении промышленности на основе инновационной составляющей. Особую роль в этом играет производство инвестиционных товаров. Именно производство и замещение товаров длительного пользования, по стоимости и натуральной форме, составляют материальную основу экономического цикла в рыночной экономике. В развитых капиталистических странах продолжительность экономического цикла колеблется около 10 лет, даже в период повышения инновационной составляющей, ускоряющей моральное старение товаров длительного пользования. Таким образом, именно производство этих товаров является основополагающим элементом воспроизводства как в национальном, так и в глобальном экономическом цикле. Что же касается сферы услуг, которая существенно влияет на национальное воспроизводство, то ее доля в мировой торговле не превышает 20% [10, с. 5], поэтому в экспорте и импорте крупных высокоразвитых экономик мира наибольшую долю занимают именно товары.

Следовательно, доминирующим элементом воспроизводства как в мировой экономике, так и в глобальном экономическом цикле остается *производство товаров*. В силу этого экономическая активность в высокоразвитых экономиках харак-

* Там же. — Р. 15.

теризуется использованием производственных мощностей в выпуске товаров и является своеобразным критерием экономической динамики. Об этом свидетельствуют данные роста ВВП США в посткризисный период (табл. 1).

Таблица 1

Рост ВВП США в 2014–2016 гг. (в неизменных ценах) *

(%, 2009 г. = 100%)

Показатели	Г о д ы		
	2014	2015	2016
ВВП.....	110,84	113,72	115,56
Личное потребление.....	110,37	113,89	117,01
в том числе:			
– товаров.....	117,41	122,17	126,57
– услуг.....	107,00	109,95	112,52
Валовые внутренние частные инвестиции.....	145,55	152,76	150,39
Государственное потребление и валовые инвестиции.....	91,71	93,35	94,11

* Составлено автором по: BEA News Release. – 2017. – June 29. – P. 11.

Как видно из таблицы 1, именно производство и потребление товаров стали драйвером роста ВВП в США в посткризисный период, тогда как темпы прироста услуг были более чем в 2 раза ниже по сравнению с темпами прироста товаров (табл. 2).

Таблица 2

Прирост ВВП США в 2009–2016 гг. (в неизменных ценах к предыдущему году) *

(%)

Показатели	Г о д ы							
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП.....	-2,8	2,5	1,6	2,2	1,7	2,4	2,6	1,6
Личное потребление...	-1,6	1,9	2,3	1,5	1,5	2,9	3,2	2,7
в том числе:								
– товаров.....	-3,0	3,4	3,1	2,7	3,1	3,9	4,0	3,6
– услуг.....	-0,9	1,2	1,8	0,8	0,6	2,3	2,8	2,3
Валовые внутренние частные инвестиции...	-21,6	12,9	5,2	10,6	6,1	4,5	5,0	-1,6
Государственное потребление и валовые инвестиции.....	3,2	0,1	-3,0	-1,9	-2,9	-0,9	1,8	0,8

* Составлено автором по: BEA News Release. – 2017. – June 29. – P. 13.

Следует обратить внимание на то, что во время кризиса объем частных накоплений сократился в США на 21,6% в 2009 г. Однако в период подъема в 2010–2015 гг. они еще выросли, что обеспечило прирост ВВП в среднем на 2%, несмотря на снижение в 2009–2010 гг. уровня государственных инвестиций и потребления. Таким образом, хозяйственная система США в процессе выхода из кризиса опирается на рост производства и потребления товаров и услуг. Расширение производства новых видов товаров и услуг приводит под влиянием инновационных процессов в реальном секторе к структурным изменениям в экономике и меняет воспроизводственные пропорции. Все это свидетельствует о начавшемся процессе реиндустриализации в США.

Проблемы индустриального развития в странах – членах ЕС

Сегодня необходимость восстановления промышленной сферы рассматривается в качестве главного направления стратегического развития и в странах ЕС. Именно индустрия высоких технологий должна повысить конкурентоспособность экономик европейских стран. Например, в конце 2010 г. Европейской комиссией была принята Стратегия европейского развития до 2020 г., в рамках которой предусматривается увеличение доли промышленного сектора в странах ЕС с 16% до 20% *. Такая стратегия промышленного развития для стран ЕС была обусловлена тем, что на протяжении 2000-х годов произошло значительное сокращение доли промышленного сектора в валовой добавленной стоимости практически во всех экономиках. Исключением стала ФРГ, у которой этот показатель за 2000–2012 гг. не изменился. Немецкая промышленность сохраняет высокую конкурентоспособность благодаря ее инновационной составляющей, а экономика оказалась очень устойчивой и легко преодолела кризис 2007–2009 гг. благодаря высокой конкурентоспособности промышленности. С учетом опыта Германии в странах ЕС принята Стратегия экономического развития до 2020 г., в основу которой положена *промышленная политика*, которая будет способствовать росту производства высокотехнологичного реального сектора.

Как известно, главной составляющей промышленности являются машиностроение и его сердцевина – станкостроение. Развитие этих секторов стимулирует рост инновационной составляющей в добавленной стоимости производимых товаров и услуг, что в конечном счете повышает их конкурентоспособность. В настоящее время вложения частного бизнеса в НИОКР реального сектора в странах Западной Европы составляют более 60% **. Однако такие показатели инвестиций признаются недостаточными. Рост конкурентоспособности реальных высокотехнологичных отраслей промышленности создает более прочную основу для развития экспорта и повышения международной конкурентоспособности западноевропейских товаров.

Развитие высокотехнологичных отраслей промышленности требует наличия соответствующего рынка труда. Деиндустриализация Европы привела к росту общего уровня безработицы. После кризиса 2007–2009 гг. она достигла 11%, а в странах Южной Европы – превысила 20%, больше всего коснувшись молодежи ***.

Перспективы развития высокотехнологичных отраслей экономики, предусмотренные в 2010 г. Европейской комиссией, трактуются технократически, без учета специфики исторических обстоятельств, характерных для отдельных стран. Для стран ЕС определены "контрольные цифры", которые должны быть достигнуты благодаря изменению потока финансовых ресурсов. Однако они не учитывают то важное системное обстоятельство, что в пределах самого ЕС, несмотря на действия единых институциональных норм, функционируют разные модели капитализма. Так, по мнению некоторых авторов, сведение различных типов капитализма к двум основным – *либеральной и координирующей моделям рыночной экономики* – ошибочно [11, с. 10].

* Communication from the Commission / Europe 2020. – P. 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A52010DC2020>.

** Europe's re-industrialization: The gulf between aspiration and reality // Deutsche bank DB Research. – 2013. – November 26. – P. 2.

*** Eurostat Compact guides [Электронный ресурс]. – Режим доступа : statistics/eurostat/cosmcompact.

Существование этих моделей – результат исторических особенностей длительного развития конкретных государств. Так, либеральная модель капитализма предполагает наличие в стране современных институтов обезличенного обмена. Координирующий рыночный механизм невозможен без высокого уровня развития институтов гражданского общества, системы социальной защиты. Отсутствие таких условий в новых странах – членах ЕС, то есть в бывших постсоциалистических государствах, практически блокировало возникновение у них западных моделей капитализма (либеральной и координирующей). При этом появилась новая разновидность модели, характеризующейся серьезной спецификой. Если рассматривать модель капитализма, которая сложилась в ряде стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), входящих в ЕС, то в научной литературе она получила название *зависимый рыночный капитализм* [11, с. 14].

В этих странах, в отличие от стран *либерального рыночного капитализма*, где в качестве центрального механизма координации выступают конкурентные рынки и контракты, а также в отличие от стран *координированного рыночного капитализма*, где эту роль выполняют внутри- и межфирменные сети ассоциации, в странах *зависимого капитализма* центральным механизмом координации является иерархия в рамках ТНК [12, р. 682]. Характерной чертой такого типа капитализма является его полная зависимость от решений ТНК относительно развития производства и банковской сферы. Такая зависимость начала складываться на основе притока ПИИ транснациональных корпораций в экономику стран ЦВЕ. Эти страны обогнали ЕС по объему притока ПИИ относительно ВВП. В 2000–2008 гг. они получали их в среднем в объеме 6,5% ВВП против 1% в ЕС в целом. Накопленные ПИИ в 2014 г. превысили 730 млрд. дол. – почти 10% их общего объема в Евросоюзе. В пересчете на душу населения это в 2 раза больше, чем в среднем в мире [13, с. 15]. ПИИ были осуществлены транснациональными корпорациями путем создания в странах ЦВЕ своих филиалов, работа которых контролируется из центральных офисов, обеспечивая управление ими в интересах самих ТНК.

Таким образом, *первым элементом* зависимой модели капитализма является *связь между корпоративным управлением ТНК и основными источниками инвестиций в экономики ЦВЕ*.

Вторым элементом зависимой модели капитализма является *особая система отношений между трудом и капиталом*. В отличие от наемных работников ТНК, находящихся в материнских компаниях, которые действуют с помощью генеральных соглашений по вопросам труда в пределах страны, коллективы филиалов ТНК работают в рамках селективных соглашений, в которых прописаны намного более низкие затраты на труд [11, с. 15–16]. Так, по данным исследователей, средние затраты работодателей на одного работника в расчете на 1 час рабочего времени в Германии, Франции и Австрии выше, чем в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии, в 3–5 раз, в странах Балтии – в 4–6 раз, в Румынии – в 8–9 раз и в Болгарии – в 14–16 раз [13, с. 30].

Третьим элементом зависимой модели капитализма является *сосредоточение инновационной деятельности ТНК в своих штаб-квартирах*. Трансфер инновационных технологий в зависимые рыночные экономики осуществляется в пределах филиалов ТНК. Там происходит и профессиональная подготовка наемных работников. Следовательно, в этих странах нет необходимости вести научно-исследовательскую деятельность в прежних объемах и содержать систему подготовки кадров. Такая привязка трудовых ресурсов к филиалам ТНК предотвращает переток квалифици-

рованных кадров в другие секторы и тем самым обеспечивает устойчивое функционирование их подразделений.

Четвертым элементом зависимой рыночной модели является *полное подчинение национальных банковских систем западноевропейским банкам*. В странах ЦВЕ 80% банковских активов, а в Словакии, Чехии и Эстонии – почти 100%, принадлежат иностранным банкам из Западной Европы. Единственной страной, сократившей основную часть (около 70%) активов банковской системы и собственности национального и государственного капитала, была Словения [13, с. 30].

Таким образом, сравнительным преимуществом зависимой модели капитализма являются результаты взаимодействия низких затрат на оплату труда и высокой квалификации рабочей силы. Именно это делает страны ЦВЕ привлекательными для организации на их территории производств по сборке и выпуску полустандартизированных товаров. Среди основных отраслей стран зависимого капитализма, работающих на экспорт, можно назвать: производство транспортного оборудования, электрических приборов, общее машиностроение. Так, в Словакии на продукцию машиностроения, включая транспортное оборудование, приходится 37% экспорта, Венгрии – 35%, Чехии – 24% [13, с. 26]. Итак, в странах зависимого капитализма задействованы технологии производства стандартных продуктов, где они подконтрольны ТНК. Что касается инновационных производственных цепочек, то они остаются в главных подразделениях корпораций.

Исследования развития и функционирования зависимой модели капитализма позволяют сделать противоречивые выводы. С одной стороны, такая модель может успешно конкурировать за ПИИ и развиваться на этой основе, а с другой – интересы ТНК охватывают только отдельные отрасли экономики.

Следовательно, национальные экономики стран ЦВЕ включают в себя два неравнозначных сегмента – высокодоходный, успешный, поддерживаемый иностранными ТНК, ориентированный на внешний рынок, и низкодоходный, ориентированный на удовлетворение внутренних потребностей населения. Поэтому в условиях доминирования репатриации капитала в места размещения ТНК в отраслях зависимого капитализма усиливаются риски снижения высокого уровня притока иностранного капитала. Так, уже после кризиса 2008–2009 гг. чистый приток капитала ТНК сократился во всех странах ЦВЕ [13, с. 18]. Транснациональные корпорации ищут более выгодные сферы применения капитала, прежде всего в странах Юго-Восточной Азии. Серьезной проблемой для стран зависимого капитализма, обусловленной сохранением льготных условий налогообложения для ТНК, является наполнение бюджета. Здесь существует нехватка бюджетных средств для развития социальной сферы, научно-исследовательской деятельности и других общественно значимых отраслей экономики. Иными словами, имеется своеобразное противоречие между участием в производстве ВВП иностранного капитала, существенно превышающего уровень безопасности, признанный в мировой практике (30% ВВП), и его вкладом в бюджеты стран ЦВЕ. В силу этого, например, правительство Венгрии в ноябре 2010 г. ввело особый налог в тех секторах, где ТНК занимают господствующее положение: в энергетике, телекоммуникациях, крупных торговых сетях, банковской сфере. Такие действия одной из новых стран – членов ЕС были негативно восприняты руководством ЕС. Стало быть, даже в пределах одного экономического образования, каким является ЕС, двойственный, противоречивый характер развития ТНК может формировать специфические модели капитализма.

**Особенности индустриализации
в странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки**

Разнородность и разновидности социально-экономического развития отдельных регионов и стран в пределах глобального воспроизводственного цикла являются демонстрацией несводимости мирового хозяйства к какому-то одному универсальному стандарту. Об этом свидетельствуют противоположные тенденции социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, где процессы индустриализации складывались по-разному.

Например, в новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии на протяжении последних 40 лет интенсивно развивалась обрабатывающая промышленность, в то время как на Западе она сокращалась. Однако в новых индустриальных странах Азии первой волны (Гонконге, Южной Корее, Сингапуре, на Тайване) с некоторым опозданием также наметилась тенденция к сокращению отраслей обрабатывающей промышленности. Даже в наиболее индустриализированной среди первого поколения “тигров” Южной Корее доля занятых в обрабатывающей промышленности достигла максимума в 1989 г. (27,8%), а доля обрабатывающей промышленности в ВВП – лишь в 2011 г. (30,7%) при 16,74% всех занятых, что свидетельствует о высокой эффективности корейской индустрии [6, с. 35]. Однако общая тенденция сокращения уровня занятости в новых индустриальных странах первого поколения характеризуется одновременным увеличением доли обрабатывающей промышленности в ВВП, что свидетельствует о росте производительности труда в реальном секторе экономики. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, несмотря на снижение общей численности занятых в обрабатывающей промышленности, происходило повышение доли новых индустриальных стран в производстве мировой добавленной стоимости. Так, если в 1970-х годах она составляла 0,73%, то в 2013 г. – уже 6,17%, то есть выросла в 8,5 раза [6, с. 39].

Несколько иная картина наблюдалась в странах Латинской Америки, где происходили процессы деиндустриализации. Это стало следствием действия совокупности факторов, которые можно отнести к набору инструментов *неолиберальной концепции* макроэкономического регулирования, настоятельно рекомендуемых развивающимся странам. В 1990-е годы это были: 1) либерализация внешней торговли, из-за чего многие местные промышленные предприятия не выдержали конкуренции и закрылись; 2) завышенный банковский процент, нацеленный на сдерживание инфляции, но одновременно блокирующий инвестиционные ресурсы, необходимые для производства; 3) установление завышенного обменного курса как антиинфляционного средства, но одновременно стимулирующего импорт товаров, особенно китайских, угнетающего экспорт и подрывающего конкурентоспособность промышленных товаров.

В итоге, во всех ведущих латиноамериканских странах на протяжении последних 30 лет практически ничего не изменилось в производстве добавленной стоимости. А в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Мексика, доля обрабатывающей промышленности в мировой добавленной стоимости даже уменьшилась в 2013 г. по сравнению с 1980 г.: с 0,86% до 0,67% в Аргентине, с 2,67% до 1,64% в Бразилии, с 2,06% до 1,72% в Мексике. В Чили она практически не изменилась: в 1980 г. – 0,2%, а в 2013 г. – 0,22% [6, с. 39]. Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что деиндустриализация в латиноамериканских странах стала следствием *неолиберальных реформ*, которые привели к сокращению обрабатывающих отраслей и способствовали росту аграрно-сырьевых производств.

В свою очередь, осознание негативного процесса деиндустриализации политическими кругами некоторых стран Латинской Америки, например Бразилии, повлекло за собой поиск альтернативных данному процессу деиндустриализации программ.

Усиление роли государства и проведение активной промышленной политики в сочетании с заниженным курсом национальной валюты были положены в основу государственной политики Бразилии и воплощались в ее хозяйственную жизнь на протяжении последних 15 лет. Борьба с деиндустриализацией путем увеличения доли инвестиций в ВВП, финансирование дорогостоящих инфраструктурных проектов предусматривались программами развития, принятыми еще при президентах Луле ("Программа ускорения роста") и Д. Руссефф ("План Большая Бразилия"). Однако реализация этих программ не дала желаемых результатов. Причина "пробуксовки реформ" усматривается в консерватизме социальных слоев общества, не готовых поступиться своими доходами и уровнем потребления ради повышения нормы накопления ВВП. Большая часть богатых считает, что борьба с бедностью и повышение качества массового образования должны осуществляться за счет государства. Что же касается широких слоев бедного населения, охватывающих почти половину жителей Бразилии, то по уровню своей квалификации, а также психологически они не готовы к современным высокотехнологичным видам деятельности [6, с. 35].

Таким образом, как свидетельствует опыт борьбы с деиндустриализацией стран Латинской Америки, даже проведение *активной промышленной политики* как способ изменения негативных процессов в промышленном секторе не означает достижения безусловного успеха. Попытки борьбы с деиндустриализацией могут натолкнуться на серьезные барьеры, обусловленные как старым индустриальным наследием отечественной экономики, так и консервативной социальной структурой общества, которая исключена из процесса инновационного развития промышленного сектора экономики. Такая социальная структура поддерживает консервативную макроэкономическую политику, направленную на сохранение финансовой стабильности посредством неолиберальных инструментов и выгодную, в первую очередь, экспортерам сырья и крупному агробизнесу.

Все эти факторы торможения реализации активной промышленной политики имеют место и в Украине. Поэтому призывы, звучащие от политиков и ученых, остановить деиндустриализацию в Украине путем проведения активной промышленной политики хороши, если, во-первых, они будут опираться на рост эффективности самой индустрии как результат последовательных действий креативного слоя предпринимателей в реальном секторе экономики, а во-вторых, если промышленная политика будет сочетаться с адекватной политикой государства в сферах производства, науки и образования.

Следовательно, исходя из опыта решения проблемы деиндустриализации в странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, можно утверждать, что этот процесс охватывает целый комплекс проблем как макроэкономической политики, так и политики в социальной сфере, решение которых требует новых подходов и действий.

Список использованной литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М. : Прогресс, 2000. — 384 с.

2. Фокс Дж. Торговая политика США – время начать сначала // Экономика Украины. – 2017. – № 5-6. – С. 16–30.
3. Бренер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада 1945–2005. – М. : ВШЭ, 2014. – 552 с.
4. Сиденко В.Р. Новая торговая политика США: глобальный антракт // Экономика Украины. – 2017. – № 5-6. – С. 58–66.
5. Potential Beneficiaries of a US Manufacturing Renaissance [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bnymellonam.jp/wordpress/wp-content/uploads/2012_016_e_USMR.pdf.
6. Красильщиков В. Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 8. – С. 34–43.
7. Game changes: Five opportunities for US growth and renewal. – McKinsey Global Institute, 2013. – 30 p.
8. Sirkin H.L., Zinser M., Hohner D. Made in America, Again. Why Manufacturing Will Return to the USA / The Boston Consulting Group. – 2011. – August [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.bcg.com/documents/file84471.pdf>.
9. Stiglitz J. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. – NY : W.W. Norton & Company, 2012. – 506 p.
10. Пороховский А. Структурные изменения американской экономики после кризиса 2007–2009 годов // США – Канада : Экономика, Политика, Культура. – 2015. – № 3. – С. 3–18.
11. Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации : науч. доклад. – М. : ИЭ РАН, 2016. – 25 с.
12. Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the Varieties Capitalism. The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // World Politics. – 2009. – Vol. 6. – P. 670–702.
13. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницына И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост : науч. доклад. – М. : ИЭ РАН, 2014. – 84 с.

References

1. Beck U. *Obshchestvo riska. Na Puti k Drugomu Modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow, Progress, 2000 [in Russian].
2. Faux J. *Torgovaya politika SShA – vremya nachat' snachala* [U.S. trade policy – time to start over]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2017, No. 5-6, pp. 16–30 [in Russian].
3. Brenner R. *Ekonomika Global'noi Turbulentnosti: Razvitye Kapitalisticheskie Ekonomiki v Period ot Dolgogo Buma do Dolgogo Spada 1945–2005* [The Economics of Global Turbulence. The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn, 1945–2005]. Moscow, PH of High School of Economics, 2014 [in Russian].
4. Sidenko V.R. *Novaya torgovaya politika SShA: global'nyi antrakt* [New US trade policy: global intermission]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2017, No. 5-6, pp. 58–66 [in Russian].
5. Potential Beneficiaries of a US Manufacturing Renaissance, available at: http://www.bnymellonam.jp/wordpress/wp-content/uploads/2012_016_e_USMR.pdf.
6. Krasil'shchikov V. *Deindustrializatsiya, reindustrializatsiya i razvitie* [Deindustrialisation, reindustrialisation and development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2016, No. 8, pp. 34–43 [in Russian].

7. Game Changers: Five Opportunities for US Growth and Renewal. McKinsey Global Institute, 2013.

8. Sirkin H.L., Zinser M., Hohner D. Made in America, Again. Why Manufacturing Will Return to the USA. The Boston Consulting Group, August 2011, available at: <https://www.bcg.com/documents/file84471.pdf>.

9. Stiglitz J. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. NY, W.W. Norton & Company, 2012.

10. Porokhovskii A. *Strukturnye izmeneniya amerikanskoi ekonomiki posle krizisa 2007–2009 godov* [Structural changes in the US economy after the 2007–2009 crisis]. *SShA – Kanada : Ekonomika, Politika, Kul'tura – USA – Canada: Economy, Politics, Culture*, 2015, No. 3, pp. 3–18 [in Russian].

11. Glinkina S.P. *K Voprosu o Raznoobrazii Modelei Kapitalizma, ili Chto My Postroili v Rezul'tate Transformatsii: nauch. doklad* [To the Question of the Variety of Models of Capitalism, or What We Built as a Result of the Transformation: scientific report]. Moscow, IE of the RAS, 2016 [in Russian].

12. Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the varieties of capitalism. The emergence of dependent market economies in East Central Europe. *World Politics*, 2009. Vol. 6. pp. 670–702.

13. Glinkina S.P., Kulikova N.V., Sinitsyna I.S. *Strany Tsentral'no-Vostochnoi Evropy: Evrointegratsiya i Ekonomicheskii Rost: nauch. doklad* [Countries of Central and Eastern Europe: European Integration and Economic Growth: scientific report]. Moscow, IE of the RAS, 2014 [in Russian].

Окончание статьи – в следующем номере журнала.
Статья поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.
